

ПАЗЛ
детективный триллер
Книга 3

Чужой Ключ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Чужой ключ

<https://litres.ru/74048919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он живёт здесь уже два года. Ты об этом не знаешь.

Программист Кирилл привык к одиночеству. Развод, удалённая работа, тихие вечера в пустой квартире — он думал, что хуже уже не будет. Но однажды из холодильника начинает пропадать еда, вещи оказываются не на своих местах, а по ночам кто-то ходит по коридору.

Кирилл списывает странности на стресс и собственную забывчивость — пока не ставит скрытую камеру.

То, что он увидит на записи, заставит его усомниться не только в собственном рассудке, но и в том, что он вообще когда-либо был один в этом доме.

Потому что чужие не всегда приходят через дверь. Иногда они живут в твоей стене. Годами.

Каждая книга серии «ПАЗЛ» — законченный детективный триллер с новыми героями и новой загадкой. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
Пролог	5
Часть 1. Мелочи	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чужой ключ

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

Пролог

Темнота.

Не та темнота, когда закрываешь глаза и видишь красные пятна под веками. Настоящая. Густая. Осязаемая. Он двигается в ней без звука — тренировка длиной в два года превратила каждое движение в бесшумный рефлекс.

Рука находит дверцу холодильника. Не там, где ручка — он знает, что ручка скрипит. Пальцы скользят ниже, поддевают край, тянут на себя. Холодильник открывается. Свет не загорается.

Он выкрутил лампочку вчера днём, когда хозяин был в магазине. Выкрутил и положил в карман. В кармане же — резиновые перчатки, кусок хлеба из вчерашнего, отвёртка. С собой он носит только необходимое. Лишний вес — лишний звук. Лишний звук — смерть.

Пальцы нащупывают сыр. Твёрдый, в пластиковой упаковке. Тот, который хозяин купил сегодня днём в «Пятёрочке» на Ленина, 17. Он знает, откуда сыр. Он знает, сколько хозяин заплатил — 189 рублей по карте. Он знает всё. Потому что два года назад он перестал быть человеком и стал стеной.

Сыр перекачывает в карман. Дверца холодильника закрывается — без щелчка, без всхлипа резинового уплотнителя. Он придерживает её ладонью, провожает до самого

конца.

Тишина.

Он опускается на четвереньки. Так быстрее. Так безопаснее. Рост — это лишнее пространство для звука. Он стелится по полу, как тень. Ладони помнят каждую царапину на ламинате, каждый стык. Он может пересечь коридор с закрытыми глазами. С закрытыми глазами он это делает каждую ночь.

Коридор — пять шагов на четвереньках. Потом поворот. Потом спальня.

Дверь в спальню скрипит, если открыть её больше чем на десять сантиметров. Он открывает ровно на девять с половиной. Протискивается боком. Спина трётся о косяк — ткань свитера смягчает звук до едва различимого шороха. Мышиный. Если хозяин спит глубоко, он не слышит даже мышей. Если спит чутко — примет за сквозняк.

Сегодня хозяин спит глубоко. Он слышит дыхание. Ровное. Медленное. Выдох длиннее вдоха — верный признак быстрой фазы сна. Хозяин видит сны.

Он заползает под кровать.

Здесь его место. Здесь пахнет пылью и старыми носками — теми, которые хозяин потерял ещё в прошлом году. Он нашёл их. Всё находит. Ничто в этой квартире не исчезает. Просто переезжает в другие руки.

Он ложится на спину. До днища кровати — пятнадцать сантиметров. Ровно столько, чтобы лежать не двигаясь. Если хозяин сядет на кровать — пружины прогнутся на семь.

Если ляжет — на двенадцать. Ни разу за два года его лицо не коснулось сетки снизу.

Он протягивает руку вверх.

Пальцы почти касаются днища. Он чувствует тепло — тепло хозяина нагрело кровать, и тепло просачивается сквозь матрас, сквозь сетку, вниз, к его ладони. Тепло живого человека. Тепло, которого у него нет.

Он не помнит, когда в последний раз спал в кровати. Настоящей. С простынями. С подушкой. Теперь его постель — пол. Но под кроватью другого человека он чувствует себя почти как дома.

Он убирает руку.

Закрывает глаза.

В голове — голос. Свой собственный. Тот, который он слышал три года назад, до того как всё случилось. Голос говорит: «Ты не имеешь права здесь быть. Ты чужой. Уходи».

Другой голос — тот, который поселился в стене вместе с ним, — отвечает: «Нет. Это моя квартира. Я здесь жил. Я вернулся. А он — чужой».

Он не знает, какой из голосов прав.

Он знает только одно: он здесь уже два года. И пока он тихий — его никто не найдёт.

Сверху скрипят пружины. Хозяин переворачивается на бок. Бормочет что-то во сне. Женское имя. Он слышал его раньше. Даша. Женщина, которая ушла. Женщина, чьи фотографии хозяин спрятал в ящик стола, но каждую ночь пе-

решает на телефоне.

Он запоминает имя. Он запоминает всё.

Через четыре часа хозяин проснётся. Пойдёт на кухню. Откроет холодильник. Заметит, что сыра меньше, чем вчера. Подумает: «Я сам съел ночью и забыл».

Он всегда так думает.

«Он не знает. И не узнает. Я здесь уже два года».

Он закрывает глаза. Засыпает под звук чужого дыхания.

Часть 1. Мелочи

Глава 1

Кирилл проснулся от того, что кто-то звал его по имени.

Он сел на кровати, прислушался. Тишина. Только холодильник гудел на кухне и где-то за стеной сосед сверлил — ровно, монотонно, с короткими паузами. Кирилл потёр лицо ладонями. Голос показался знакомым. Дашин? Нет. Даша не звонила уже полгода. И не пришла бы никогда.

Он посмотрел на телефон. 7:42. Ни одного пропущенного. — Приснилось, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло.

Кирилл спустил ноги с кровати. Пол был холодным — он не любил тапочки, ходил босиком круглый год. Ламинат в спальне он менял два года назад, когда делал ремонт. Выбрал самый тёмный, почти чёрный. Теперь жалел: каждая пылинка видна.

Он прошёл на кухню. Автоматически включил чайник. Открыл холодильник.

Сыр лежал на средней полке, где он его и оставил вчера вечером. «Российский», жёлтый треугольник в прозрачной упаковке. Кирилл взял его, чтобы отрезать кусок к кофе. И замер.

Упаковка была вскрыта.

Не с той стороны, где он отрывал заводскую полоску, — с противоположной. Пластик был неровно надорван, будто пальцы тянули в разные стороны. Кирилл заглянул внутрь. Сыра было меньше. Кто-то отрезал ломоть. Неровно. Не ножом — похоже, отломили руками.

Он стоял с сыром в руке и смотрел на неровный край. В голове вертелось: «Я один живу. Ключ один. Дверь закрыта».

Он вспомнил, как вчера вернулся из магазина. Достал сыр, положил в холодильник. Больше не трогал. Ужинал гречкой с котлетой — сыр не открывал.

— Я сам, что ли, ночью? — пробормотал он.

Такое уже было. Пару месяцев назад он просыпался с упаковкой печенья в постели и не помнил, как ходил на кухню. Работа на удалёнке, нерегулярный график, стресс — врачи говорили о лунатизме. Кирилл тогда не стал проверять. Решил, что само пройдёт.

Вот и сейчас. Ночью встал, открыл холодильник, отломил сыр и лёг обратно.

Он отрезал ровный кусок от другой стороны упаковки, завернул остатки в плёнку и положил на место. С неровным краем ничего не стал делать. Чайник закипел. Кирилл заварил кофе в кружке — растворимый, некогда было возиться с туркой. Съел сыр. Хлеба не было — забыл купить.

Он включил ноутбук. Три письма от начальника, два — от клиентов. В чате коллеги обсуждали вчерашнее обновле-

ние. Кирилл написал: «Проверю после обеда» — и отодвинул ноутбук.

В прихожей он проверил дверь. Замок был закрыт. Ключ висел на крючке у выхода — туда он вешал его каждый вечер. Кирилл потрогал замок. Ничего необычного. Ни царапин, ни следов взлома.

Он сел на корточки и заглянул в замочную скважину. Свет из коридора пробивался через отверстие — значит, никто не клеивал её снаружи.

Кирилл выпрямился и почувствовал себя дураком. Ну надкусил сыр ночью. Ну забыл. С кем не бывает.

Он умылся, надел чистую футболку и сел за ноутбук. Начал разбирать письма. В десятом часу позвонил Стас.

— Ты на линии? — спросил друг без приветствия.

— Работаю, — ответил Кирилл. — Чего рано?

— Дежурю. У нас тут в ТЦ вчера сигналка сработала в три ночи. Приехал — никого. А сегодня утром охранник нашёл, что из магазина одежды пропала куртка. Как думаешь, кто?

— Не знаю.

— Я тоже не знаю. Поэтому звоню тебе. Ты программист, думаешь логически. Как можно обойти сигнализацию?

— Не мой профиль, — сказал Кирилл. — Я софт пишу, а не взломом занимаюсь.

— Ну хоть что-то посоветуй.

— Найди записи с камер.

— Камеры в три ночи отключились ровно на семь минут,

— сказал Стас. — Вырубili электричество на секции. Короткое замыкание, говорит электрик. А я не верю.

— Тогда найди, кому это выгодно.

— А ты умный, — усмехнулся Стас. — Ладно, работай. Вечером пиво?

— Давай.

Кирилл отключился и вернулся к работе. Написал код для формы обратной связи, запустил тесты, поправил стили. В час дня поел доширак — суп из пакета, который нашёл в шкафу. В три часа засобирался в магазин.

Он надел куртку, взял ключ с крючка и вышел. Дверь хлопнулась автоматически — доводчик работал исправно. Кирилл проверил ручку. Закрыто.

В лифте он встретил соседку снизу, Людмилу Ивановну. Она тащила две сумки с продуктами и тяжело дышала.

— День добрый, — сказал Кирилл.

— Здравствуйте, — ответила она и добавила: — А вы, молодой человек, что ж ночью ходите?

— В смысле?

— Ночью. Я спать не могу — у вас там шаги. Туда-сюда. Вчера тоже. Я часы смотрела — два тридцать ночи.

Кирилл хотел сказать, что спал. Но вспомнил про сыр.

— Извините, — сказал он. — Приснилось что-то, встал, попил воды. Больше не буду.

— Вот и хорошо, — буркнула Людмила Ивановна и вышла из лифта на своём этаже.

Кирилл поехал дальше. На улице подумал: «Вообще-то я не пил воду. Я сыр ел. Или не я?» Он отогнал мысль. Конечно, он.

Магазин находился в соседнем доме. Кирилл купил хлеб, молоко, яйца, ещё один сыр — такой же, «Российский». На кассе взял пачку печенья. Дома разложил продукты. Новый сыр положил рядом со старым. Подумал и переложил на другую полку. На всякий случай.

Вечером пришёл Стас. Они сидели на кухне, пили пиво, смотрели футбол по ноутбуку. Стас рассказывал про кражу в ТЦ, про начальника, который требует раскрыть преступление за три дня, про глупую систему видеонаблюдения, у которой половина камер не работает.

— Слушай, — сказал Кирилл, когда Стас замолчал. — А у тебя бывало такое: просыпаешься, а еды в холодильнике меньше, чем было?

— Ты про лунатизм?

— Ну да.

— Бывало. Я однажды ночью съел банку тушёнки прямо ложкой. Стоял над раковиной, как зомби. Утром нашёл пустую банку — ни хрена не помню. Жена рассказывала.

— А ты что думал?

— Думал, что я больной. Пошёл к врачу. Сказали — стресс, режим наладить. Наладил — всё прошло.

Кирилл кивнул. История его успокоила. Не он один.

Стас ушёл в одиннадцатом часу. Кирилл запер дверь, про-

верил окна — всё было закрыто. Он разделся, лёг в кровать. Заснул быстро, без снов.

В два часа тридцать пять минут ночи он проснулся от того, что кто-то закрыл дверцу холодильника. Звук был отчётливый — мягкий удар уплотнителя о корпус.

Кирилл сел на кровати.

В квартире было тихо.

С кухни не доносилось ни звука.

Он встал, прошёл в коридор, включил свет. Холодильник работал ровно. Дверца была закрыта.

Кирилл открыл её. Осмотрел полки. Всё было на месте. Сыр — оба — лежали там, где он их оставил.

Он постоял минуту, потом выключил свет и вернулся в кровать.

«Приснилось», — подумал он и закрыл глаза.

Он не знал, что человек под кроватью уже не дышал — боялся выдать себя. Он не знал, что этот человек лежал неподвижно, прижав ладони ко рту, и слушал, как бьётся его собственное сердце.

Он не знал, что тот тоже слышал удар дверцы холодильника. И понял: хозяин проснулся.

«Тише», — прошептал человек в стене сам себе. — «Тише. Он не должен знать».

Глава 2

Утро началось с того, что Кирилл не мог найти зарядку от телефона.

Он обшарил прикроватную тумбочку, заглянул под кровать, проверил розетку на кухне — там висела только зарядка от ноутбука. Телефон показывал 7% заряда. Кирилл выругался сквозь зубы.

Последний раз он держал зарядку в руках вчера вечером, когда лёг с телефоном в кровать. Поставил на зарядку перед сном — так всегда делал. Или не поставил?

Он проверил розетку в спальне. Пусто.

— Чёрт, — сказал он вслух.

Пришлось вставить кабель в ноутбук и заряжать телефон через USB — медленно, но хоть как-то. Кирилл оставил телефон на столе, пошёл умываться.

В зеркале он выглядел так себе. Под глазами залегли тени — он плохо спал после той ночи, когда проснулся от звука холодильника. В пол-третьего ночи он снова открыл глаза. Прислушался. Тишина. Но ощущение чужого присутствия не прошло до самого утра.

«Это всё стресс, — подумал Кирилл, глядя на своё отражение. — Дедлайн по проекту, Даша больше не звонит, Стас вон тоже нервный. Надо взять отпуск».

Он заварил кофе. Сыр на этот раз был нетронут. Кирилл

отрезал кусок, съел, даже не почувствовав вкуса.

В девять он включил ноутбук и открыл среду разработки. Проект, над которым он работал последние две недели, был для крупного клиента — интернет-магазин с сотнями тысяч товаров. Заказчик требовал оптимизировать поиск, чтобы страница открывалась за полсекунды, а не за три. Кирилл уже переписал половину кода. Оставалось доделать фильтры и протестировать нагрузку.

Он погрузился в работу быстро — это было его спасение. Когда перед глазами строчки кода, когда нужно отследить логику запросов и избежать бесконечных циклов, в голове не остаётся места для посторонних мыслей.

Кирилл сидел в наушниках, слушал инструментальную музыку без слов — она не отвлекала. Пальцы бегали по клавиатуре. Он правил один модуль, потом второй, потом запустил тесты. Ошибка. Поправил. Снова тесты. Ок.

Всё шло хорошо ровно до тех пор, пока он не услышал скрип.

Звук пришёл из соседней комнаты — той, где стоял шкаф и старый диван, оставшийся от Даши. Кирилл снял наушники. Прислушался.

Тишина.

Он надел наушники обратно. Вернулся к коду. Через минуту скрип повторился. Протяжный, неприятный — как будто кто-то медленно открывал дверцу шкафа.

Кирилл снова снял наушники. Встал. Прошёл в соседнюю

комнату.

Никого. Шкаф закрыт. Диван на месте. На подоконнике — засохшая герань, которую он забыл полить месяц назад.

Он открыл дверцу шкафа. Внутри — его куртки, пара рубашек, старый пылесос. Всё на своих местах.

— Дом оседает, — сказал он себе.

Кирилл закрыл шкаф и вернулся на кухню. Он слышал, что старые дома скрипят. Температура меняется, влажность, усадка фундамента. Вот и скрип. Ничего странного.

Он надел наушники, включил музыку погромче и заставил себя не думать о звуках.

К обеду он закончил фильтры. Запустил тестирование на тестовом сервере. Всё работало — искало быстро, выдавало результат. Кирилл написал клиенту: «Сдаю к вечеру». Клиент ответил смайликом.

Кирилл решил сделать перерыв. Налил чай. Встал у окна. Двор был пуст — середина рабочего дня, все на работе. Только женщина с коляской сидела на лавочке у подъезда.

В соседней комнате снова скрипнуло.

Кирилл не пошёл проверять. Он заставил себя остаться на месте.

«Дом. Оседает. Дом».

Он выпил чай, доел печенье (новую пачку) и сел обратно за ноутбук. Остаток дня работал без происшествий. Скрипов больше не было.

В пять часов он закрыл ноутбук и почувствовал пустоту.

День прошёл, вечер впереди долгий, делать нечего. Можно было позвонить Стасу, но Стас на дежурстве. Можно было включить сериал, но не хотелось.

Кирилл прошёлся по квартире. Заглянул в ванную — влажно, полотенце сухое. Зашёл в спальню — кровать заправлена. Открыл холодильник — еда на месте.

Он остановился в прихожей и посмотрел на дверь.

Ключ висел на крючке. Так же, как вчера. И позавчера.

Кирилл взял ключ, открыл дверь и вышел на площадку. Подошёл к двери соседей слева. Прислушался. Тишина. Соседи справа уехали в отпуск — он видел объявление на двери: «Ключ в УК».

Он спустился на этаж ниже. Там жила Людмила Ивановна. Из-за её двери доносился звук телевизора — какая-то мелодрама, судя по музыке.

Кирилл постучал.

Дверь открылась не сразу. Людмила Ивановна выглянула, придерживая дверь цепочкой.

— Вам чего?

— Извините, Людмила Ивановна. Вы вчера сказали, что слышите шаги. А во сколько именно?

— Я ж сказала — в два тридцать.

— Точно?

— А вы мне не верите? — она обиженно поджала губы.
— Я старый человек, врать не буду. Каждую ночь в одно и то же время. Туда-сюда. Как заведённый.

— Сегодня тоже?

— Сегодня я спала как убитая. Лекарство выпила новое.

А вы что, не знаете, кто у вас ходит?

— Знаю, — сказал Кирилл. — Это я. Лунатизм.

— Ну так лечитесь, молодой человек, — сказала Людмила

Ивановна и захлопнула дверь.

Кирилл вернулся в квартиру. Сел на кухню. Взял телефон — зарядился до 40%. Открыл браузер, набрал в поиске: «лунатизм скрипы шкаф».

Ничего конкретного. Общие статьи про расстройства сна. Рекомендации: не нервничать, ложиться в одно и то же время, не пить на ночь кофе.

Он выключил телефон и лёг на диван в гостиной. Полежал с закрытыми глазами. В соседней комнате было тихо.

«Дом оседает, — повторил он про себя. — Просто дом оседает».

В восемь вечера позвонил Стас.

— Ну что, программист, выяснил, как сигналку обойти?

— Я не этой проблемой занят, — сказал Кирилл. — У меня в квартире скрипы.

— Скрипы?

— Из соседней комнаты. Шкаф скрипит.

— А ты ничего не трогал?

— Нет.

— У тебя доска, — сказал Стас. — Дом деревянный? Нет. Панельный. Нечему там скрипеть. У тебя мыши.

— У меня нет мышей. Я дезинсекцию делал год назад.

— Тогда призраки, — засмеялся Стас. — Ты лучше скажи, как куртку найти.

— Я серьёзно.

— Я тоже серьёзно, Кирилл. У тебя паранойя на почве развода. Даша ушла, ты остался один, мозг начинает искать угрозу. Нет там никого. Это у тебя в голове.

Кирилл хотел возразить, но не нашёл слов.

Стас продолжил: — Приезжай ко мне в выходные. В «Сапсан» ходим. Отвлечёшься. А скрипы — забей.

Кирилл согласился. Они поговорили ещё десять минут о работе, о футболе, о том, что в ТЦ кражу так и не раскрыли. Потом Стас попрощался.

Кирилл поужинал яичницей. Помыл посуду. Проверил дверь. Проверил окна. Лёг спать в одиннадцать.

Перед сном он поставил телефон на зарядку — на этот раз в спальне, в розетке у кровати. Воткнул кабель, увидел, что пошла зарядка, и закрыл глаза.

В два тридцать пять он проснулся от того, что зарядка выпала из телефона.

Кабель болтался. Телефон лежал на полу.

Кирилл поднял его. Зарядка не шла — он вставил кабель обратно, экран загорелся. 13%.

— Чёрт, — прошептал он.

Он посмотрел на розетку. Кабель торчал из неё. Вроде всё было нормально. Просто выпал. Сам.

Кирилл положил телефон на тумбочку и перевернулся на другой бок.

Под кроватью человек замер. В его руке был край кабеля — он выдернул его за секунду до того, как хозяин проснулся. Сделал это инстинктивно: кабель мешал, когда он вылезал из стены, чтобы закрыть дверцу холодильника.

Он не успел.

Хозяин проснулся раньше.

«Не шевелись, — приказал себе человек в стене. — Не дыши. Он не знает».

Он лежал на спине, глядя в днище кровати. Между ним и спящим человеком было пятнадцать сантиметров воздуха, слоёный пирог из пружин и матраса, и годы молчания.

Человек закрыл глаза.

Он знал, что рано или поздно хозяин начнёт задавать вопросы. Он готовился к этому два года. Но когда момент настал, понял, что не готов.

Никто не готов узнать, что в стене кто-то живёт.

Тем более тот, кто сам построил эту стену.

Глава 3

Вечером Кирилл решил разобрать бельё.

Стирка накопилась за неделю — три футболки, двое джинсов, трусы и носки. Он загрузил машину ещё утром, а вытащил только сейчас, когда сериал закончился и делать стало совсем нечего.

Он сидел на кровати, положив корзину с чистым бельём рядом. Футболки аккуратно сложил и убрал в шкаф. Джинсы повесил на плечики. Трусы засунул в ящик комода, даже не глядя.

Носки остались напоследок.

Кирилл любил порядок в мелочах. Возможно, даже слишком любил — Даша когда-то смеялась над тем, как он раскладывает носки по парам, сворачивает их в рулончики и укладывает ровными рядами. «У тебя OCD», — говорила она. Кирилл не знал, что это такое, но спорить не стал. Ему просто нравилось, когда всё на своих местах. Особенно после того, как в жизни перестало быть своих мест.

Он взял первый носок — чёрный, с серым мыском. Нашёл ему пару. Свернул, убрал в ящик.

Второй — синий, в полоску. Третий — чёрный, однотонный. Четвёртый — снова синий.

К пятому носку он заметил, что рисунок сбился. Он перебрал носки в корзине — семь штук. Нечётное число. Так не

бывает — он всегда стирает носки парами, всегда кладёт в машину чётное количество.

Кирилл заглянул в ящик комода, где лежали уже разобранные носки. Вытащил все рулончики, развернул их. Пересчитал.

Четырнадцать носков. Семь пар? Нет. Четырнадцать — это семь пар, если все разобраны правильно. Но он держал в руках три чёрных однотонных, два синих в полоску, один серый с рисунком и один бордовый — тот, который вообще не помнил, чтобы покупал.

Пары не складывались.

Кирилл разложил носки на кровати. Начал подбирать заново. Чёрный к чёрному, синий к синему. Один чёрный остался без пары. Один синий — тоже. Бордовый вообще был один.

— Чёрт, — пробормотал он.

Он перебрал ящик ещё раз. Заглянул под кровать. Проверил корзину для белья — пусто. Посмотрел в стиральной машине — пусто.

Носки исчезли.

Не все. Не половина. Ровно столько, чтобы нарушить порядок. Кто-то взял три носка из его комода. Или он сам взял и забыл? Или носки завалились куда-то?

Кирилл встал на четвереньки и заглянул под кровать.

Там было темно. Он протянул руку, провёл по полу. Пыль. Несколько волосков. Старая ручка. Всё.

Но под самой дальней стенкой, там, где пол встречался с плинтусом, он нащупал что-то мягкое. Вытащил.

Носок. Синий, в полоску. Такой же, как один из тех, что лежали на кровати.

Кирилл поднёс его к свету. Носок был чистым — не из стирки. И пары к нему не было. Только что он держал в руках два синих носка в полоску. Этот был третьим.

Значит, в его комод лежало не семь пар. Было больше. Он просто не замечал.

Кирилл сел на край кровати. Сжимал в руке лишний носок и чувствовал, как внутри разрастается неприятное, липкое чувство. Он всегда всё считал. Носки, деньги, калории, шаги от двери до дивана — всегда. И он не мог ошибиться. Не в этом.

Значит, кто-то залез в его комод.

Но кто? Дверь заперта. Окна закрыты. Ключ один.

Он вспомнил про Дашу. У неё был ключ. Она могла сделать дубликат. Могла прийти, пока его нет, взять носки... Зачем? У неё своих носков мало?

Кирилл достал телефон. Набрал номер Даши. Трубку взяли после третьего гудка.

— Слушаю, — голос сухой, равнодушный.

— Привет, — сказал Кирилл. — У тебя есть ключ от моей квартиры?

Пауза.

— Я выбросила его два года назад. Ты же знаешь.

— Ты сделала дубликат?

— Зачем? — В голосе появилось раздражение. — Кирилл, что случилось?

— У меня пропадают вещи.

— Какие вещи?

— Носки. Еда. Зарядка.

— Ты пьёшь? — спросила Даша.

— Нет.

— Тогда иди к врачу. У тебя всегда было с головой не очень, но сейчас... — она не закончила. — Не звони мне больше.

Она отключилась.

Кирилл убрал телефон. Посмотрел на носок в руке. Потом на кровать, где лежали остальные — разобранные и несобранные, парные и одинокие.

Он встал, подошёл к комоду. Выдвинул ящик до конца. Начал выкладывать все носки на кровать — один за другим.

Семнадцать.

Семнадцать носков. Из них семь пар — четырнадцать штук. И три лишних. Три носка без пары.

Он пересчитал ещё раз. Семнадцать.

Кирилл закрыл глаза. Открыл. Семнадцать.

Он аккуратно сложил все носки обратно в ящик. Лишние три положил сверху, отдельно. Закрыл комод. Выключил свет в спальне.

На кухне он налил себе воды. Стоял у окна, пил малень-

кими глотками и смотрел на тёмный двор.

Под кроватью в спальне человек сжимал в кулаке три носка — те самые, лишние. Он взял их неделю назад. Надел на руки, когда вылезал из стены, чтобы не оставлять следов. Потом забыл убрать обратно. Закатились под кровать.

Человек лежал тихо. Он слышал шаги хозяина — туда-сюда, туда-сюда. Слышал, как хозяин считал носки. Слышал разговор по телефону.

«Он начинает догадываться», — подумал человек.

Он осторожно разжал кулак. Носки упали на пол. Он пододвинул их ногой к стене, под плинтус, в щель, где они лежали раньше.

«Завтра хозяин их найдёт. Подумает, что сам уронил. И успокоится».

Человек закрыл глаза. Но сон не приходил.

В голове крутилось: «Семнадцать. Он считает носки. Через неделю он начнёт считать всё остальное. А потом найдёт меня».

Человек открыл глаза. Посмотрел в потолок. Над ним спал тот, кто даже не подозревал, что его домашний уют — иллюзия. Что за стеной, в темноте, живёт чужой, который знает о нём всё.

Кроме одного.

Человек не знал, как долго он сможет оставаться невидимым. Но знал точно: если хозяин найдёт его, он не уйдёт. Не снова.

«Я здесь жил первым, — прошептал он беззвучно. — Я не уйду».

В соседней комнате скрипнул шкаф. Дом оседал. Или нет.

Глава 4

Суббота началась с дождя.

Кирилл проснулся в девять, хотя будильник не ставил. Тепло само вытолкнуло его из сна — привычка рабочих дней не отпускала даже в выходные. Он полежал с открытыми глазами, слушая, как вода барабанит по карнизу. В квартире было сыро и тихо.

Он решил убраться.

Не потому, что грязно — Кирилл поддерживал порядок каждые два-три дня. Просто надо было чем-то занять руки. Мысли последнее время бродили не туда, и лучшее лекарство от них он знал одно: движение. Швабра, тряпка, пылесос — механическая работа выключала голову.

Он начал с кухни. Протёр стол, помыл посуду, выбросил просроченный йогурт из холодильника. Потом перешёл в коридор — протёр пыль с полок, поправил коврик. В ванной сменил полотенце и протёр зеркало — оно запотевало от влажности, и на нём оставались разводы.

Последней была спальня.

Кирилл снял постельное бельё, бросил в стиральную машину. Протёр пыль с тумбочек. Вытер шкаф изнутри — там скопилось странное амбре, будто кто-то оставлял мокрую одежду. «Старый дом, — подумал он. — Сыпется всё».

Остался пол.

Кирилл взял пылесос, включил. Прошёлся по центру, потом под стеной, потом — под кроватью. Он не любил пылесосить под кроватью: приходилось наклоняться низко, трубка не пролезала, и в итоге он всё равно делал это на коленях.

Он встал на четвереньки, засунул руку с насадкой под кровать. Провёл раз. Второй. Третьим движением насадка что-то зацепила.

Кирилл вытащил руку.

Пустая упаковка из-под печенья.

Он повертел её в руках. «Юбилейное», овсяное. То самое, которое он покупал иногда к чаю. Упаковка была пуста — внутри только крошки. Край надорван неровно, не там, где отрывают заводскую полосу.

Кирилл посмотрел на упаковку, потом под кровать, потом на свои руки.

Он не ел это печенье.

Он точно помнил: последнюю пачку он купил неделю назад, съел за два дня и выбросил упаковку в мусорное ведро на кухне. Он помнил, как сжимал её в руке, чтобы она занимала меньше места. И помнил, как бросил в ведро.

Тогда почему пустая упаковка оказалась под кроватью?

Кирилл закрыл глаза. Вдохнул. Выдохнул.

«Я сам. Ночью встал, взял печенье, съел под кроватью — и забыл. Лунатизм. Врач же говорил».

Он сжал упаковку в кулак, встал, выбросил в мусорное ведро на кухне. Вернулся в спальню. Закончил пылесосить.

Застелил чистую простыню.

Но весь день упаковка не выходила из головы.

Он сидел за ноутбуком, проверял рабочие письма — в выходные их почти не было. Потом включил фильм, но выключил через двадцать минут, потому что не мог сосредоточиться. Потом позвонил Стасу.

— Слушай, — сказал Кирилл. — А ты когда ночью ешь, ты помнишь об этом?

— Что?

— Ну, просыпаешься утром, а еды меньше. Ты помнишь, что ел?

— Я ж тебе говорил. Не помню. Ни хрена.

— А следы оставляешь? Фантики, упаковки?

— Наверное. Откуда я знаю, я ж не помню. Кирилл, что опять случилось?

— Нашёл под кроватью упаковку из-под печенья. Не помню, чтобы туда засовывал.

— Значит, засовывал, — сказал Стас. — Ты у себя дома, чувак. Кто ещё мог её туда положить?

— Не знаю. Поэтому и спрашиваю.

— Слушай, — Стас понизил голос, будто переходил на серьёзный тон. — Ты это... к психологу сходи. Не потому что ты сумасшедший. А потому что стресс. Лунатизм от стресса. И от одиночества. Тебе с кем-то поговорить надо, а не со мной.

— Я с тобой говорю.

— Я не про то. С профессионалом. Который таблетки выпишет. Чтобы ты спал нормально и ночью не шастал.

Кирилл промолчал.

— Запишись к неврологу, — добавил Стас. — Хотя бы для спокойствия.

— Ладно, — сказал Кирилл. — Подумаю.

Они попрощались. Кирилл убрал телефон и пошёл на кухню. Налил чай. Достал новую пачку печенья — купил вчера в магазине, ещё не открытую.

Он открыл её, отломил одно, съел. Вкус был нормальный. Всё было нормально.

Он посмотрел на пустое место на столе, где могла бы сидеть Даша, если бы они не развелись. Она всегда говорила, что он слишком много думает. Обо всём. Даже о том, о чём думать не стоит.

«Ты как компьютер, который не выключается, — сказала она однажды. — У тебя нет кнопки "отдых"».

Он съел ещё одно печенье. Потом ещё. Потом завязал упаковку и убрал в шкаф.

Вечером он лёг спать пораньше — в десять. Выключил свет, закрыл глаза. Долго ворочался. Уснул почти в двенадцать.

В два часа тридцать пять минут ночи он не проснулся.

Спал крепко, лицом в подушку.

Человек под кроватью лежал неподвижно. Он слышал дыхание хозяина — ровное, глубокое. Хозяин спал. Человек

выждал десять минут. Потом ещё десять. Потом осторожно, миллиметр за миллиметром, выпростал руку из-под кровати.

На полу лежало печенье.

Он взял одну, вторую. Убрал в карман. Потом нашарил упаковку — хозяин оставил её на столе, забыл убрать в шкаф. Человек открыл её, вытряхнул несколько печений в карман, закрыл обратно.

Упаковку не унёс. Слишком рискованно.

Он залез обратно под кровать, лёг на спину. Во рту раскрошилось овсяное печенье. Он жевал беззвучно, двигая только челюстью, не открывая рта.

«Ему снится, что я здесь, — подумал человек. — Ему снится, что он один. Это не сон».

Он проглотил печенье. Облизнул губы.

«Но и я тоже сплю. Уже два года. Пора просыпаться».

Человек закрыл глаза. За стеной, за шкафом, в нише, где он жил, ждал матрас. Но он не пошёл туда. Остался под кроватью хозяина.

Ближе.

Намного ближе, чем тот думал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.